

Только любовь может спасти человека от падения.

*Пол Остер*¹

¹ Цитата из романа американского писателя Пола Бенджамина Остера (р. 1947) «Храм луны» (*Moon Palace*, 1989), перев. М. Николаева.

[Здравствуй, Лоррен. Помнишь меня? Вижу, ты снова одна сегодня вечером.]

[Кто вы?]

[Человек, который интересуется тобой.]

[Хватит! Я вас заблокирую!]

[Не получится. Разве тебе не интересно, кто я и как узнал о тебе столько всего?]

[Мне плевать, псих несчастный! Вы — мне — не интересны! Вы просто еще один придурок на просторах интернета.]

[Ты правда не хочешь узнать, какие у меня планы? Зря, они касаются тебя.]

[Прощай, жалкий хмырь.]

[Я собираюсь *убить тебя*, Лоррен.]

[Что-о-о??]

[Как убил твоего отца...]

[Дебил хренов, мой отец умер двадцать восемь лет назад!]

[А убийцу так и не нашли, да?]

[И что с того? Любой может найти все детали той истории в Сети!]

[*Любой* не может знать твой адрес: авеню Барбе-д'Оревильи¹, 1, четвертый этаж, квартира слева. *Любому* неведомо, что ты живешь одна. Что у тебя нет ни друга, ни домашнего питомца.]

[КТО ТЫ?]

[Скоро узнаешь.]

[Думаешь, я тебя боюсь? Лечи голову, болван! Я позвоню в полицию. А пока заблокирую тебя. Чао.]

Поначалу она думала, что все уладится. Верила, что так и будет. Говорила себе: «*Он* остановится. *Ему* надоест. *Он* отвяжется от меня».

Поначалу она хотела в это верить...

¹ Авеню названа в честь французского писателя и публициста Жюль Амеде Барбе д'Оревильи (1808–1889).

ПРОЛОГ

O!

(Джо Тилсон, масло, холст)¹

¹ Джозеф Чарльз *Тилсон* (р. 1928) – английский художник, скульптор и гравёр, один из основоположников британского поп-арта; «O!» (*Oh!*) – его работа 1975 года.

Май 2020 года

Нью-Йорк, 28 мая 2020 года, Манхэттен, около восьми утра: солнце ластится к крышам домов. Отражается в оконном множестве небоскребов, польхает на широких каньонах авеню, протискивается сквозь листву деревьев в Центральном парке, шарит по витринным окнам офисных зданий и стеклам надземного метро.

Следуя установленным маршрутом, светило в положенный час попадает в Сохо и заглядывает внутрь студии художника в Мидтауне. Выхватывает крупное тело на дубовом полу у кровати со сбитыми простынями. Освещает большие постеры Ганса Гофмана¹ и Сая Твомбли² на стенах и пса, который

¹ *Ганс Гофман* (1880–1966) – американский художник и педагог, сильно повлиявший на абстрактный экспрессионизм.

² *Сай Твомбли* (Эдвин Паркер Твомбли-младший; 1928–2011) – американский художник, фотограф, скульптор-абстракционист.

скребет когтями паркет и жалобно подвывает рядом с телом.

Она оставила открытой тяжелую металлическую противопожарную дверь и смотрит на место происшествия с порога. Ошеломленная. Насмерть перепуганная. А минуту спустя слышит собственный голос:

— Лео!

Он не отзывается. Она идет к нему через огромную, залитую веселым хулиганистым солнцем комнату, чувствуя, что превращается в ледяную статую. В это невозможно тихое мгновение лежащий на полу человек кажется грандиозно прекрасным.

— Лео!

Нет ответа. Лоррен впадает в панику. Опускается на колени, трясет его, хлопает по щекам. Слезы текут по ее лицу и сверкают бриллиантовыми каплями росы в ярком утреннем свете.

— Лео! Ну пожалуйста! Открой глаза. Скажи хоть что-нибудь. ЛЕО!

Она наклоняется, пытается нащупать пульс, проверяет дыхание. Он жив! Он дышит!

Через двадцать секунд он открывает огромные бледно-серые глаза и обращает на нее тот ясный взгляд, от которого она всегда таяла, пробует улыбнуться. Он бледен как полотно.

— Лоррен... Ты здесь... Не пугайся... Вызывай подкрепление, — очень тихо и нежно говорит он. — Сейчас же, милая...

Он замолкает и теряет сознание, но пока дышит. Лоррен дрожащей рукой вытаскивает из кармана телефон. Она почти ничего не видит сквозь пелену слез. *Соберись!* 911 удается набрать только со второго раза. Оператор отвечает, она что-то лепечет, путается в словах. Ровный голос просит ее назвать фамилию и адрес «на случай, если связь вдруг прервется». Она сбивчиво, торопясь, излагает суть дела, ее просят повторить, и она начинает заводить себя, спокойствие собеседницы бесит ее. Она делает глубокий вдох и объясняет, что стряслось. Ей велят оставаться на линии — дело явно серьезное.

Он снова открывает глаза, говорит:

— *Take it easy.*

И снова отключается — ровно в 08:30, 28 мая 2020 года, в Нью-Йорке.

Она смотрит, как его увозят на каталке, колесики противно скрипят по полу. На него надели кислородную маску, медики тоже в масках, но в обычных, медицинских. Волосы, показавшиеся ей слишком длинными при их первой встрече, обрамляют его красивое лицо с опущенными веками, и она снова пугается — так, что едва может дышать. Она провожает медиков до лифта, возвращается, закрывает дверь лофта, встретившись взглядом с кокер-спаниелем, печальным, потерянным взглядом собаки, оставшейся без хозяина, и к глазам снова подступают слезы.

Вустер-стрит. Белая с оранжевыми полосками «скорая» Пресвитерианской больницы города Нью-Йорка стоит с распахнутыми дверями. Каталку поднимают, и Лео исчезает внутри улюлюкающей машины. Лоррен поднимается наверх, чтобы собрать кое-какие вещи, пытается сообразить, что ему может понадобиться в больнице, точно зная, что на этот раз он не выкарабкается.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Конвергенция

(Джексон Поллок, холст, масло)¹

¹ *«Конвергенция»* – картина американского художника Пола Джексона Поллока (1912–1956), одной из ключевых фигур абстрактного экспрессионизма. Композиция создавалась методом *капанья* и заливки краски на холст; линии, пятна, круги передают эмоции художника. Картина была написана во время холодной войны; считается, что она олицетворяет идею свободы слова. Сам термин «конвергенция» означает сближение и приобретение сходных признаков в ходе эволюции у разных организмов, экономик, языков, мифологий и т. д.

1

Если бывал в Нью-Йорке,
ты знаешь, о чем я говорю.

The Yardbirds,
«*New York City Blues*»¹

Пятью месяцами ранее

В понедельник, 9 декабря 2019 года, на Париж обрушился ливень. Она захлопнула крышку чемодана, брошенного на кровать в ее большой и практически пустой квартире на авеню Барбе-д'Оревилли, 1, в двух шагах от Эйфелевой башни.

Она: Лоррен Демарсан, дочь покойного Франсуа-Ксавье Демарсана и Франсуазы Бальсан.

В столице в том декабре все время шел дождь и холод стоял собачий, но Лоррен не было дела до погоды: через два часа она собиралась улететь в Нью-Йорк, в заснеженный город, если не врут синоптики.

Лоррен любила Париж, а Нью-Йорк обожала.

¹ «*New York City Blues*» («Нью-йоркский блюз») — песня лондонской рок-группы *The Yardbirds* (1963–1968); впервые вышла как B-сторона сингла «*Shapes of Things*» (1966).

Он был полон энергии, вибрировал от нетерпения, и это делало его уникальным. В Нью-Йорке присутствовало нечто неуловимое – музыкальность, свойственная городу и его жителям, совершенно не похожим на бесконечно близких ей парижан. Француженка по рождению, Лоррен провела первые годы жизни в Большом Яблоке, а потом ее мать решила вернуться во Францию, забрав все имущество, что ей принадлежало, и прихватив дочь. Оказываясь в Нью-Йорке, Лоррен неизменно попадала под власть завораживающей магии этого города и чувствовала, что вернулась домой.

Она натянула джинсы, надела толстый свитер, обмотала шею пушистым серым шарфом и посмотрела на часы. 16:09. Такси приедет через минуту. Лоррен подошла к балкону и последний раз взглянула на Эйфелеву башню, которую атаковал ветер. Буря совсем распоясалась, но Старая Дама плевать хотела на стихию: устремленная в темное парижское небо как вызов быстротекущему времени, она спокойно пережила все эпохи, все кризисы и все шторма.

Лоррен проверила паспорт во внутреннем кармане пальто, испытывая нетерпеливое желание оказаться в салоне авиалайнера и отдаться в заботливые руки бортпроводниц и стюардов. Она выпьет пару бокалов шампанского, посмотрит киношку или сериал, а потом уснет под мягким пушистым пледом, спрятав глаза под маской для сна (ура бизнес-

классу компании «Эр Франс»!) на высоте десяти тысяч метров над Атлантическим океаном. Лоррен терзали страхи и хандра. Ей не терпелось убраться из Парижа, хотя в свои тридцать пять она имела все основания радоваться жизни. Карьера на взлете, а назначение в заокеанский филиал открывает новый этап безошибочного прохождения дистанции. Пиар-агентство DB&S — Демарсан, Буржин и Саломе — вручило ей штурвал, продемонстрировав тем самым степень своего доверия. Поль Буржин и Поль-Анри Саломе — два ее компаньона, которых она фамильярно называет «два моих полюса». Так уж повелось с незапамятных времен, хотя друзья отца были старше, опытнее и время от времени слегка раздражали Лоррен излишне покровительственной манерой общения с ней.

И все-таки в Нью-Йорк они отправляют ее! Она свободно владеет английским, знает, как вести себя с этим городом и его жителями. По большому счету парижанка она во вторую очередь...

Лоррен зашла в одну из ванных комнат и достала из аптечки леденец от боли в горле. Вечно одно и то же: важное событие на пороге — ее организм преобразует психические переживания в соматические ощущения в виде симптомов различных заболеваний. В подростковом возрасте накануне свидания с мальчиком или экзамена у нее обязательно вылезала лихорадка на нижней губе. Лоррен прошла по бесконечному коридору своих апартамен-

тов — шесть спален плюс четыре туалетные комнаты (цена одного квадратного метра — пятнадцать тысяч евро!), — расположенные в одном из самых шикарных и дорогих кварталов в Седьмом округе, которые достались ей в наследство от отца.

Пришла эсэмэска: «Ваше такси G7 ожидает у подъезда...»

Она в последний раз взглянула на экран ноутбука, чтобы проститься с «Дозорным», одной из картин Виктора Чарторыйского. Нет, не с «одной из», а с Картиной. Шедевром американского художника польского происхождения. Второй период его творчества, так называемый «метафизический реализм», начался в 1970-м и сделал его одним из самых известных американских художников XX века наряду с Поллоком и Уорхолом... Смутный силуэт человека, написанный широкими яростными мазками, черной краской на сером фоне с едва заметными вкраплениями зеленой, желтой кадмиевой и густыми слоями феерической красной.

«Дозорный». Любимое полотно отца. И Лоррен... Она посмотрела на него, возможно, в сотый раз и подумала: «Через несколько часов сокровище станет моим...»

Лоррен протянула руку, чтобы закрыть ноутбук, и тут на почту пришло сообщение. *Отправитель неизвестен.* Лоррен напряглась, в мозгу прозвучал сигнал тревоги. Рот мгновенно пересох, стало трудно дышать, но она все-таки прочла его:

Езжай куда хочешь, Лоррен.
От меня не скроешься.

На несколько мгновений ее парализовало, но она тут же встряхнулась, захлопнула ноутбук, погасила везде свет и побежала к двери с чемоданом в руке и компьютерной сумкой на плече, заперла квартиру и рванула к лифту. На улице в лицо ей кинулся холодный косой дождь, в момент уничтожив укладку, а болван-таксист припарковался на пересечении авеню Барбе-д'Оревиля и Дешанель¹. Стоки переполнились, по фасадам домов и асфальту мостовых и тротуаров струилась вода. Квартал опустел, люди, бродячие собаки и уличные коты попрятались кто куда. «Никогда не видела города таким пустым...» — подумала Лоррен, устраиваясь на сиденье черного «мерседеса», и вдруг осознала, что ее трясет. Она подумала, что избежала неведомой опасности, и понадеялась, что неизвестный вряд ли отправится следом за ней в Штаты.

Лоррен хотелось как можно скорее покинуть Францию навсегда. В следующем месяце. Этот визит — подготовка к прыжку на «другой берег», расстояние в шесть тысяч километров лишит неизвестного агрессора возможности портить ей жизнь.

¹ Авеню носит имя французского литератора, политика, профессора Коллеж де Франс и пожизненного сенатора Эмиля Дешанеля (1819–1904), отца президента Французской Республики (1920) Поля Дешанеля.

Я – король Нью-Йорка.

*The Quireboys,
«King of New York»¹*

Он покидает Райкерс-Айленд в тот же день. Небо затеяло снегопад, утренняя температура в Нью-Йорке опустилась ниже нуля. Город под хмурым небом сверкает перевозданной белизной. Стоит обычный для Большого Яблока декабрь.

Его зовут Лео Ван Меегерен, ему тридцать один год, и в данный конкретный миг истории он наконец освободился.

Райкерс-Айленд, самый большой пенитенциарный комплекс штата Нью-Йорк и второй по размеру в Америке, стоит на одноименном острове (как следует из его названия), окруженном водами пролива Ист-Ривер. Чтобы попасть туда или выбраться оттуда, нужно преодолеть мост длиной тысяча две-

¹ «*King of New York*» («Король Нью-Йорка») – песня английской хард-рок-группы *The Quireboys* (1984–1993) с их второго альбома «*Bitter Sweet & Twisted*» (1993).

сти восемьдесят метров, что Лео и осуществил на фургоне, сопровождаемом криками чаек и порывами ледяного ветра.

Сзади сильно трясло, но он улыбался, потому что покидал Райкерс, отсидев три года в исправительном центре Отиса Бантума. За что его осудили? Лео мог написать картины Писсарро, Ренуара, Ван Гога и Матисса не хуже — если не лучше — самих мэтров. Он был фальсификатором. Раньше. Отбыв три года, он твердо вознамерился спрятать кисти в сундук.

Длинноволосый брюнет Лео Ван Меегерен, одетый в линялые джинсы, черный свитер с высоким горлом и легкую замшевую куртку, больше напоминал художника — каковым, собственно, и являлся, — чем бывшего зэка. Роста в нем было метр восемьдесят пять, весил он восемьдесят кило: семь из них помогла набрать тюремная «качалка». Походка как у дикого кота, чуть развинченная, нарочито неторопливая, неизменно привлекала к нему внимание окружающих — как и пристально-мечтательный взгляд огромных серых глаз. Взгляд охотника — или художника, это уж как кому покажется.

Три года в Райкерс привнесли в характер Лео черты хищного зверя. Тюремная жизнь была насквозь пропитана агрессией, заключенные враждовали с охранниками и между собой, садизм, сексуальные правонарушения, подпольная торговля всем чем можно и нельзя, прилюдный шмон с раз-

деванием догола были обычным делом в бетонных джунглях. Здесь имелись госпиталь, часовня, бейсбольные площадки, электростанция, беговой стадион и две булочные, но дух насилия превращал Райкерс в одну из самых страшных тюрем США. 22 июня 2017 года мэр Нью-Йорка объявил о намерении закрыть ее в течение десяти лет.

Лео — слава всем богам, здешним и нездешним! — оставил роковое заведение за спиной и теперь сидел, прислонясь к вибрирующему борту, и незаметно поглядывал на своих спутников. В этот день освободили семерых. Семь историй, семь траекторий, семь лиц, возбужденных или потухших. Водитель сбросил скорость, машина остановилась, и двери открылись, впуслав в кабину отражение сверкающей, слепящей белизны снега.

— Эй, вы там, на выход!

Люди моргали, переглядывались, не понимая, что происходит.

— Шевелитесь! Мы не собираемся из-за вас морозить задницы!

— Черт, не верю, не может быть... — просипел кто-то.

Молодой парень, лет двадцати от силы, плакал горячими слезами, самый старший, семидесятилетний, не мог подняться на ноги. Лео положил руку ему на плечо:

— Прибыли, Чарли, идем...

Тот взглянул на него с таким изумлением, что Лео вдруг понял: «Да ему страшно! Он боится сво-

боды. Боится пустоты дней на воле!» — и вспомнил слова из песни группы U2: «Свобода в Нью-Йорке — это слишком широкий выбор...»

Он сразу замерз в куртке на рыбьем меху, холодрыга стояла жуткая, мокрый тяжелый снег падал на асфальт, кружился над линией надземки. Лео окинул взглядом тюремный фургон, пристроившийся недалеко от станции нью-йоркского метрополитена «Бульвар Астория — Дитмарс», что в Куинсе, и вдруг вспомнил: в вещах, которые ему вернули на выходе, была карточка для проезда. Интересно, она еще действительна? Миленький вопросик, такой только бывшему заключенному может прийти в голову.

В тряском вагоне, уносившем его на юго-запад, к острову Манхэттен, он сощурил зоркие глаза мечтательного хищника, ошеломленного ярким светом и толпой чужих людей.

Лео стоял, прислонясь лбом к стеклу, и любовался низкими домами с плоскими крышами под восходящим солнцем, и заснеженными улицами, и автомобилями, медленно, но упорнодвигающимися вперед по своим делам.

Пока поезд не нырнул в тоннель, он вслушивался в лязгающий голос метро, казавшийся ему музыкой после осточертевшего шума тюрьмы.

Двадцать семь минут спустя он вышел на станции «Принс-стрит», поднялся на перекресток Бродвея и Восьмой улицы и пошел по скользким тро-

Оглавление

Пролог. О!	
(Джо Тилсон, масло, холст).....	13
Часть первая. КОНВЕРГЕНЦИЯ	
(Джексон Поллок, холст, масло).....	19
Часть вторая. МИШЕНЬ	
(Джаспер Джонс, энкаустика и коллаж на холсте)	149
Часть третья. ПОЦЕЛУЙ II	
(Рой Лихтенштейн, масло и магна)	269
Часть четвертая. ВЕРХОМ НА СМЕРТИ	
(Жан-Мишель Баския, холст, акрил, карандаш)	381
Эпилог	441